

УДК.130.2

Творческое наследие Карлоса Кастанеды как пример медианозиса

Цуканов Евгений Александрович

Кандидат филологических наук,
доцент кафедры журналистики и медиатехнологий СМИ,
Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна,
191186, Российская Федерация, Санкт-Петербург, ул. Большая Морская, 18;
e-mail: Tsukanov_1975@inbox.ru

Цуканова Ирина Владимировна

Кандидат философских наук,
доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин,
Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна,
191186, Российская Федерация, Санкт-Петербург, ул. Большая Морская, 18;
e-mail: tsukanov@rambler.ru

Аннотация

Статья посвящена проблеме атрибутирования религиозно-философских взглядов культового писателя 1990-х гг. Карлоса Кастанеды, литературное творчество которого в указанный период сформировало мировоззрение нескольких поколений представителей молодежных субкультур. Анализ творческого наследия Кастанеды позволил сделать вывод о том, что его «антропологические» изыскания представляют собой не этнографическое описание традиционных верований индейцев племени яки, а программное выражение гностического мироощущения самого автора. Ядро концепции Кастанеды составляет идея удвоения реальности, которая имеет под собой эвристический подтекст, отсылающий к герменевтическим упражнениям гностиков, непременным атрибутом которых всегда остается тезис о дробящейся структуре универсума. Авторы пришли к выводу о том, что книги Кастанеды соответствуют всем необходимым критериям литературы гностической направленности, акцентирующей внимание читателей на проблеме осиротелости и отчужденности внутри тиранического универсума, являющегося подделкой «подлинной духовной реальности». Гностицизм Кастанеды, разумеется, не может быть признан аутентичным гностицизму первых веков нашей эры, но содержит немало тезисов, релевантных условному гностическому эталону, и представляет собой типичный образец медианозиса как возможности трансценденции посредством медиатехнологий.

Для цитирования в научных исследованиях

Цуканов Е.А., Цуканова И.В. Творческое наследие Карлоса Кастанеды как пример медианозиса // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2019. Том 8. № 2А. С. 39-45.

Ключевые слова

Антропология, гностицизм, гнозис, медиагнозис, удвоение реальности, оккультизм, деструктивное мироощущение.

Введение

Смело можно утверждать, что последняя треть XX в. как на Западе, так и в странах постсоветского пространства прошла под знаком Карлоса Кастанеды, книги которого в указанный период приобрели чрезвычайную популярность. Открытые источники позиционируют К. Кастанеду как антрополога, этнолога, но существуют обоснованные сомнения в научности его литературного наследия.

Совершенно очевидно, что в основе концепции Кастанеды лежит некое оккультно-мистическое учение, определить принадлежность которого, на первый взгляд, довольно легко, поскольку сам автор не скрывает, что он является ретранслятором древнего эзотерического учения племени яки о «Пути знания». Однако при ближайшем рассмотрении проблема религиозной принадлежности учения К. Кастанеды видится куда более запутанной и неоднозначной.

Религиозно-философские взгляды Кастанеды уже не одно десятилетие находятся в объективе зарубежных и отечественных ученых. К числу первых можно отнести Н. Классена, К. Бурсейе и др. Среди российских исследователей в первую очередь следует назвать Д. Тукмакова, А. Смоликова, О. Ежову, Ю. Русакова.

В связи с этим цель нашего исследования заключается в попытке атрибутирования религиозно-мистических сентенций американского «антрополога».

Удвоение реальности как маркер гностицизма

Ядро концепции Кастанеды, что следует из анализа его творческого наследия, составляет тема удвоения реальности, имеющая под собой определенный эвристический подтекст, непременно отсылающий к герменевтическим упражнениям гностиков, атрибутом которых является тезис о дробящейся структуре универсума [Цуканов, 2018]. Исходя из этого, можно квалифицировать принадлежность духовного наследия Кастанеды не столько к традиционным индейским культам, сколько к гностицизму – деструктивному мировоззрению, возникшему на Ближнем Востоке во II-III вв. в качестве оппозиции христианству. Будучи чрезвычайно многоликим, гностицизм насчитывал десятки вариаций. Но было одно качество, объединявшее всех гностиков, – стойкое неприятие наличной действительности во всех ее формах как творения «неправильного бога» – демиурга, узурпировавшего власть над Вселенной, созидательная деятельность которого преисполнена множества ошибок, главная из которых – человек [Трофимова, 1989]. В связи с этим мир, по мысли гностиков, нуждается в принудительной санации, а в завершающей фазе – в окончательной ликвидации, проделать которую призваны они как особые существа духовного знания (их еще называли пневматиками, от греч. *pneumatōs* – дух).

По утверждению адепта и исследователя гностицизма С. Хеллера, литературные произведения гностической направленности чаще всего появлялись в результате необычных состояний сознания. Для них характерно наличие символизма, аллегории, метафоры, мифа, пророческого озарения, описания магических процессов [Хеллер, www]. Хеллер подчеркивает,

что «...в своей мистической подлинности гностическая литература приносит в западную мысль темы осиротелости, тоски по дому, отчужденность, заточение внутри тиранической космической системы...» [Там же]. В то же время она дарит надежду на возможность полной свободы «...не только от политического, экономического или идеологического угнетения, но и от человеческого экзистенциального состояния вообще» [Там же].

По убеждению С. Хеллера, если психологическая предрасположенность встречается с воздействием некоторого элемента гностической вести, гностическое возрождение обязано проявиться [Там же]. На наш взгляд, данный тезис Хеллера абсолютно применим к творчеству Кастанеды, в литературном наследии которого идеи гностицизма проявились самым очевидным образом.

Все выделенные характеристики в изобилии наличествуют в творческом наследии Кастанеды. В своих произведениях, написанных в жанре психоделического мистицизма, Кастанеда манифестировал существование некой реальности, которая принципиально противоречила рационалистическим установкам культуры второй половины XX в. Общий контур этой новой реальности можно квалифицировать как мистическую реальность архаических культов (как у Кастанеды) или медиареальность (как у Н. Лумана), но это не изменит ее гностической подоплеку. Бегство от историчности существования и желание спрятать свой страх перед бытием в реальности фиктивной являются характерным признаком гностицизма [Цуканов, 2018]. Н. Классен ошибался, считая, что Кастанеда написал «Учение Дона Хуана» «...не для того, чтобы пропагандировать новые возможности бегства от реальности, но чтобы показать легкомыслие нашего кажущегося представления о прочной действительности» [Классен, 1996]. Кастанеда совершенно определенно утверждает, что реальность повседневной жизни не является чем-то навсегда гарантированным, а значит, ею необходимо пренебречь.

Интерес Кастанеды «...к раскрытию нового, свободного от социального программирования видения действительности» О. Ежова совершенно верно связывает с влиянием О. Хаксли и Т. Лири [Ежова, 2012, 101], провозгласившего своей задачей освобождение молодежной аудитории от «...тяжелой, плотной и статичной декорированной реальности...», предлагая взамен реальность иную, в которой и происходит «...настоящая драма и красота электронных, клеточных, соматических, сенсорных энергетических процессов» [Лири, www].

Способ описания альтернативной реальности Кастанедой основан на таком методе, как видение, который неизменно применяет индейский шаман Дон Хуан, главный герой его произведений. Гностицизм Дона Хуана, разумеется, не может быть признан аутентичным тем образцам, которые заложили гностическую парадигму как антисистему [Гумилев, 2008, 324] на заре христианской эры, однако можно выделить немалое количество конкретных высказываний главного персонажа Кастанеды, релевантных условному гностическому эталону.

Самим Доном Хуаном его эксклюзивная методология условно именуется «мир как описание». О ней Кастанеда развернуто говорит в третьем томе собрания сочинений «Путешествие в Икстлан». Вот как это выглядит в цепи путаных рассуждений индейского мудреца: «Иначе говоря, необходимо прочно усвоить новое описание. Это нужно для того, чтобы затем противопоставить его старому, разрушить драматическую уверенность, свойственную подавляющему большинству человечества, – уверенность в том, что однозначность и обоснованность нашего восприятия, т. е. картины мира, которую мы считаем реальностью, не подлежит сомнению» [Кастанеда, 2003, 19].

Вот, например, Дон Хуан обсуждает с гостем проблему «остановки мира», ментальную процедуру, которая будто бы позволяет убедиться в исключительной вариативности нашего

пробывания в реальности, а также путем определенных упражнений вырваться из нее. «Эта скала, – учит индеец, – является скалой лишь только потому, что ты знаешь, как с нею обращаться и что с ней можно делать. Я называю это деланием. Человек же знания осознает, что скала является скалой только вследствие делания. Поэтому, если он хочет, чтобы она перестала быть скалой, ему достаточно начать практиковать не-делание» [Там же, 299]. Не-делание по некоторым параметрам напоминает, с одной стороны, концепцию деконструкции постмодернистского автора Ж. Дерриды, тяготеющего к гностицизму, с другой – литературный прием остранения, выявленный В.Б. Шкловским в творчестве Льва Толстого. И тот и другой приемы отличаются, на наш взгляд, латентно-нигилистичной спецификой. У Ж. Дерриды речь идет о том, чтобы трансформировать исходный культурный текст в плане обрушения его изначально логоцентричной структуры, первично заданной полноты, осмысленности и самоидентичности до уровня недоразумения. Ирония и сомнение – две стратегии, позволяющие осуществлять деконструкцию фактически на любом культурном материале, считающемся классическим [Автономова, 2011, 88]. При помощи остранения Льву Толстому удавалось изобразить привычный объект в необычном свете, перекодируя его за счет использования несвойственной для него лексической маркировки [Шкловский, 1983].

Не все так просто и с «человеком знания», который у Дона Хуана практикует не-делание ради разрушения устоявшейся картинки действительности, которая, как и у гностиков, здесь находится на подозрении. Человек знания идентифицируется Доном Хуаном как воин, поскольку «жизнь – война, борьба, а мир – аномалия» [Corvalan, www]. Воин же – существо особенное: «Вопросы истины и лжи, – убеждает Кастанеду индейский шаман, – беспокоят обычного человека, ему важно знать, что правда, а что нет. Воину до этого ровным счетом нет никакого дела» [Кастанеда, 2003, 303]. Помимо предьявляемого в данном отрывке этического релятивизма наставника, замечательна также сама таксономическая разбивка людей на обычных и необычных, которая неизменно отсылает исследователя к извращенной системе координат гностицизма.

Разоблачая фантазмагоричность нашего мира, Дон Хуан как гуру солипсизма заявляет, что «самое сложное на пути воина – осознать, что мир есть всего лишь ощущение и, практикуя неведение, воин чувствует мир, а... окончательным достижением человека знания является видение, которое приходит лишь после того, как посредством не-делания остановлен мир» [Там же, 306-307]. В следующей цитате из Дона Хуана содержится неделикатный месседж о бесперспективности человеческого существования, в связи с чем озвучивается миссия принудительной финализации истории, возложенная на избранных: «Видишь ли, – рекомендует он, – одним из аспектов искусства воина является умение сначала по некоторой особой причине разрушить мир, а затем – снова восстановить его для того, чтобы продолжать жить» [Там же, 220]. И хотя обетованный дэмейдж мира в данном случае достигается путем банального трюка по сведению глаз к переносице, навязчиво-апокалиптическое состояние приговоренного к смерти универсума для читателя превращается в онтологическую норму [Там же, 310-311].

Заключение

Так что же на самом деле предлагает лично Кастанеде, ломающий всякие стереотипы индеец из племени яки, многомиллионной армии поклонников его творчества? На поэтическом языке это может быть выражено изящной темой перехода сквозь «двери восприятия» с отсылкой к эссе О. Хаксли, подсказавшему Джиму Моррисону экстравагантное название для его группы – «The Doors». На языке политики «остановка мира», равно как и прочие эксперименты

(«стирание личной истории», «отказ от чувства собственной важности», «разрушение распорядков» и т. д.), может означать искусственную культивацию жизненной апатии в среде потенциальных контрэлит со стороны элит действующих. Иными словами, заветы Дона Хуана можно рассматривать как эффективную технологию сохранения и приумножения власти.

Таким образом, религиозно-философские взгляды Карлоса Кастанеды с уверенностью можно квалифицировать как яркий пример медианозиса – информации неогностического плана, внедряемую в массовое сознание с помощью медиа, в данном случае посредством многотиражных литературных произведений. Феномен Кастанеды заключается в совмещении новейших достижений технического прогресса и архаических трансовых техник, представляя собой яркий пример трансценденции через технологии.

Библиография

1. Автономова Н.С. Философский язык Жака Деррида. М.: РОССПЭН, 2011. 510 с.
2. Гумилев Л.Н. Этносфера: история людей и история природы. М.: АСТ, 2008. 575 с.
3. Ежова О.А. Специфика личности и мировоззрения Карлоса Кастанеды // Ученые записки ОГУ. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2012. № 4. С. 99-103.
4. Кастанеда К. Путешествие в Икстлан. М.: София, 2003. 416 с.
5. Классен Н. Мудрость толтеков. Карлос Кастанеда и философия дона Хуана. К.: София, 1996. 288 с.
6. Лири Т. Семь языков Бога. URL: <http://www.castanedadzr.ru/cc/ccbooks/liry2.htm>
7. Поликовский А. Моррисон. Путешествие шамана. М.: Ко-Либри, 2008. 304 с.
8. Трофимова М.К. Гностицизм и христианство // Апокрифы древних христиан: исследование, тексты, комментарии. М.: Мысль, 1989. С. 162-173.
9. Хеллер С. Гностицизм. URL: <https://castalia.ru/perewody/gnostitsizm-perevody/1032-stefan-heller-gnostitsizm-glava-11-nasledie-gnostitsizma-gnosticheskoe-vozhrozhdenie.html>
10. Цуканов Е.А. Концепция удвоения реальности Н. Лумана: к вопросу о возможности влияния гнозиса на формирование медиатеории // Манускрипт. 2018. № 5. С. 98-101.
11. Шкловский В.Б. О теории прозы. М.: Советский писатель, 1983. 384 с.
12. Corvalan G. Carlos Castaneda magical blend interview (Part 1). URL: <http://www.nagualism.com/carlos-castaneda-magical-blend-interview-1.html>

The creative heritage of Carlos Castaneda as an example of mediagnosis

Evgenii A. Tsukanov

PhD in Philology,
Associate Professor at the Department of journalism and media technologies,
Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design,
191186, 18 Bolshaya Morskaya st., Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: Tsukanov_1975@inbox.ru

Irina V. Tsukanova

PhD in Philosophy,
Associate Professor at the Department of humanities and socioeconomic disciplines,
Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design,
191186, 18 Bolshaya Morskaya st., Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: tsukanov@rambler.ru

Abstract

The article is devoted to the problem of the attribution of religious and philosophical views of Carlos Castaneda, the cult writer of the 1990s, whose literary works during this period formed the worldview of several generations of youth. The analysis of the creative heritage of Castaneda allows the authors to conclude that his "anthropological" research is no ethnographic description of the traditional beliefs of the Yaqui Indians and is a programmatic expression of the gnostic attitude of Carlos Castaneda. The core of the conception developed by Castaneda consists in the idea of the doubling of reality, which has a heuristic implication, referring to the hermeneutic exercises of the Gnostics, whose indispensable attribute is the thesis of the fracturing structure of the universe. The authors come to the conclusion that the books by Castaneda meet all the necessary criteria of Gnostic literature, drawing readers' attention to the problem of forsakenness and alienation within the tyrannical universe, which is a fake of "true spiritual reality". Of course, Castaneda's gnosticism cannot be viewed as authentic Gnosticism of the first centuries of our era, but it contains many theses relevant to the conditional gnostic standard and is a typical example of mediagnosis as a possibility of transcendence through media technologies.

For citation

Tsukanov E.A., Tsukanova I.V. (2019) Tvorcheskoe nasledie Karlosa Kastanedy kak primer mediagnozisa [The creative heritage of Carlos Castaneda as an example of mediagnosis]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 8 (2A), pp. 39-45.

Keywords

Anthropology, gnosticism, gnosis, mediagnosis, doubling of reality, occultism, destructive attitude.

References

1. Avtonomova N.S. (2011) *Filosofskii yazyk Zhaka Derrida* [The philosophical language of Jacques Derrida]. Moscow: ROSSPEN Publ.
2. Ezhova O.A. (2012) Spetsifika lichnosti i mirovozzreniya Karlosa Kastanedy [The specificity of the personality and worldview of Carlos Castaneda]. *Uchenye zapiski OGU. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki* [Proceedings of Orenburg State University. Series: Humanities and social sciences], 4, pp. 99-103.
3. Castaneda C. (1972) *Journey to Ixtlan: the lessons of Don Juan*. (Russ. ed.: Castaneda C. (2003) *Puteshestvie v Ikslan*. Moscow: Sofiya Publ.)
4. Corvalan G. *Carlos Castaneda magical blend interview (Part 1)*. Available at: <http://www.nagualism.com/carlos-castaneda-magical-blend-interview-1.html> [Accessed 11/03/19].
5. Gumilev L.N. (2008) *Etnosfera: istoriya lyudei i istoriya prirody* [Ethnosphere: a history of people and a history of nature]. Moscow: AST Publ.
6. Hoeller S. (2002) *Gnosticism: new light on the ancient tradition of inner knowing*. (Russ. ed.: Hoeller S. *Gnostitsizm*. Available at: <https://castalia.ru/perewody/gnostitsizm-perevody/1032-stefan-heller-gnostitsizm-glava-11-nasledie-gnostitsizma-gnosticheskoe-vozhrozhdenie.html> [Accessed 11/03/19].)
7. Klassen N. (1996) *Mudrost' toltekov. Karlos Kastaneda i filosofiya dona Khuana* [The wisdom of the Toltecs. Carlos Castaneda and Don Juan's philosophy]. Kyiv: Sofiya Publ.
8. Leary T. (1964) *The seven tongues of God*. (Russ. ed.: Leary T. *Sem' yazykov Boga*. Available at: <http://www.castanedadr.ru/cc/ccbooks/liry2.htm> [Accessed 11/03/19].)
9. Polikovskii A. (2008) *Morrison. Puteshestvie shamana* [Morrison. The shaman's journey]. Moscow: Ko-Libri Publ.
10. Shklovskii V.B. (1983) *O teorii prozy* [On the theory of prose]. Moscow: Sovetskii pisatel' Publ.
11. Trofimova M.K. (1989) Gnostitsizm i khristianstvo [Gnosticism and Christianity]. In: *Apokrify drevnikh khristian: issledovanie, teksty, kommentarii* [Apocryphal works by the ancient Christians: research, texts, comments]. Moscow: Mysl' Publ., pp. 162-173.

-
12. Tsukanov E.A. (2018) Kontsepsiya udvoeniya real'nosti N. Lumana: k voprosu o vozmozhnosti vliyaniya gnozisa na formirovanie mediateorii [The conception of reality doubling developed by N. Luhmann: on the possibility of the influence of gnosis on the development of the mediatheory]. *Manuskript* [Manuscript], 5, pp. 98-101.